Воспоминание. Сие творите в Моё воспоминание

«...Сие творите в Моё воспоминание...»

Однажды, в студенческие годы, во время подготовки к экзаменам, ища уединения и тишины, я забрёл на Аскольдову Могилу — аристократическое кладбище в Киеве. Безмятежным покоем веяло на зелёных горах, вздымавшихся над древним Днепром, за которым, насколько хватало глаз, раскинулись на необъятное пространство луга и поля, обрезанные по горизонту узкой полоской лесов. В далёком чистом небе тихо плыли облака, по реке беззвучно уходили куда-то пароходы и баржи; с киевских высот, точно самые низкие тоны органа, доносился невнятный рёв огромного города.

Из-за густых деревьев кладбища, сквозь лес богатых памятников, часовен и крестов, слышалось печальное пение. Я прошёл по аллеям и увидел обыкновенную картину погребения; хоронили дочь какого-то генерала; сотня людей стояла вокруг свежей могилы, над которой всплывал дым ладана, и рыдали последние слова панихиды: «вечная память» . . . Хор говорил склонённым людям о том, что они должны сохранить навеки в своей памяти ту, которая ушла от них навсегда.

Весь май месяц я посещал этот богатый город мёртвых и видел, как люди старались исполнить свою обязанность не забывать о покойнице: на тихой могиле легла гранитная плита с надписью; вокруг выросла чугунная ограда; над могилой стал белый мраморный ангел с кувшином в руке, из которого в бассейн лилась вода; у ног ангела каждый день благоухали свежие цветы, у креста теплилась неугасимая лампада; полевые горлицы прилетали из-за Днепра и тихо ворковали под монотонное журчание фонтана. Двое людей — он в мундире с крепом, она в глубоком трауре — часто и подолгу сидели за оградой, погруженные в глубокую думу.

Прошло несколько лет. Во время великой войны вновь я посетил то кладбище. Еле заметная тень запустения прошла над ним. Было много новых могил — военных, с простыми деревянными крестами — дух демократизма вошёл и в этот гордый город. С разных сторон доносилось пение

— часто служились панихиды, и люди по-прежнему тосковали по «вечной памяти».

Около знакомой могилы ничто не изменилось: ангел неустанно лил воду из кувшина, горлицы ворковали, трепетал огонёк лампады, вечно юные цветы разливали аромат . . . только рядом с гранитной плитой лежала ещё одна; её надпись говорила о «вечной памяти по убитому» в бою генерале, — да у ограды, как окаменелая, сидела согбенная старушка в трауре . . .

Миновала война, пронеслась революция. В 1920 году, когда украинская армия заняла Киев, я приехал туда на несколько дней. Город был погружен в печаль и траур; вся его жизнь ушла на кладбища, куда со всех сторон свозились для погребения тела замученных в застенках палачей. И вновь пришлось побывать на Аскольдовой Могиле. Кладбище заросло бурьяном; разрушительная рука времени и человека коснулась памятников, крестов и даже деревьев. Я подошёл к знакомому уголку, и грустно стало мне: ангел был без головы и без рук, умолкло журчание умершего фонтана, и в высохшем бассейне лежали осколки кувшина; давно угасла лампада, исчезли цветы, и самые плиты были выворочены и побиты; около них виднелся свежий холмик без креста ... у ограды никто не сидел ... А со всех сторон плакали скорбные напевы, и рыдающие люди, как и когда-то, истаивали по «вечной памяти».

Я стоял и думал о ней, об этой непостижимой тайне, об этой жажде в сердцах живущих сохранить «вечную память» по умершим.

Не об этой ли памяти для себя самого думал Гомер, когда воспевал Иллион, не о ней ли мечтал Хеопс, строя свою пирамиду; не эта ли жажда гнала в далёкие страны Александра Македонского, Аттилу, Тамерлана и Наполеона; не она ли вдохновляла Шекспира и Данте, не из-за неё ли Рафаэль писал свои фрески, Микеланджело тесал мрамор, Евклид и Кеплер вычисляли, Гегель и Кант мыслили, не за неё ли Васко-де-Гама, Колумб и Магеллан плыли к неведомым странам, Стефенсон изобретал паровоз, Эйфель строил свою башню, Лессепс рыл каналы, Берд и Скотт искали в ледяных пустынях полюс, Линдберг и Кост полетели через океан . . .

Были ли они мудрее безумного Герострата, в поджоге храма, избравшего способ увековечения памяти?

Ведь пройдут, быть может, сотни, может быть и тысячи лет, и о них, затемнённых в памяти людской сонмами подобных же, или даже ещё более великих деяний и героев, останется только тень воспоминания, как сохранилась у Платона только одна маленькая фраза об огромной Атлантиде, погибшей с её культурой и деяниями и героями в волнах потопа.

Ведь плакал же когда-то безнадёжно Гераклит: «все течёт, и нельзя дважды войти в одну и ту же реку...»

«Небо и земля прейдут», сказал наш Господь.

Он знал эту жажду человеческих душ иметь «вечную память» о тех, кого они любят; Он знал, что христиане всех веков и народов будут жадно искать следов памяти о Нём, и Он возжелал оставить по Себе воспоминание вечное, неувядаемое, нетленное . . .

«Сие творите в Моё воспоминание», говорил Он, в первый раз совершая преломление и устанавливая его, как знак вековечной, неизменной памяти.

Почему не оставил Спаситель вещественных знаков Своего пребывания на земле? Почему не сохранен для нас храм Иерусалимский, в котором Он учил и пламенно взывал к «гробам повапленным» (*гробы повапленные - это особые гробы, которые используются в некоторых религиозных традициях и ритуалах. Их значение и назначение помогают усилить ритуальный символизм и выразить уважение к усопшему. В таких гробах применяется особая техника повапливания - процесс нанесения узоров и орнаментов на поверхность гроба*), почему не сбереглась Его одежда, дом, крест, терновый венец или хоть какой-нибудь один из тех сотен предметов, которыми Он был окружён на земле?

О, Он знал, что если бы все это осталось на свете, то люди все спрофанировали бы, опошлили бы, стали бы мёртвым предметам поклоняться, как Богу; кроме того, Он знал, что всё это, в конце концов, истлело бы, сгнило, заржавело, распылилось бы, исчезло . . .

Поэтому, вещественной памяти Христос не оставил.

Люди потом хотели восполнить этот, по их мнению, недостаток и якобы нашли много священных реликвий; они создали красивые предания о крестах, выкопанных царицей Еленой, о нерукотворном образе Христа, присланном Им царю Авгарю, о святой Веронике, вытершей с Его чела на Via Dolorosa кровавый пот платком, запечатлевшем черты Божественного лица; но мы знаем, что всё это было создано без участия Иисуса, и что предания эти сложились в IV и V веках.

«Сие творите в Моё воспоминание» — скромный и трогательный обряд единения вокруг чаши с вином и блюда с хлебом — вот то, что Господь оставил любящим Его. Но и здесь Он исключил всякую мысль о фетишизме (идолопоклонстве).

Он мог бы сохранить ту чашу, из которой Сам пил вино, блюдо, из которого брал хлеб, ту солонку, в которую опускал Свою чистую руку, но и этого Он не сделал.

В Англии, во времена Крестовых походов, родился цикл прекрасных легенд о короле Артуре и его «рыцарях круглого стола», отдававших жизнь свою для того, чтобы отыскать святого Грааля — чашу, которая была некогда в руках Господа на тайной вечере.

Эти наивные, детски-чистые рыцари, если только они, действительно, существовали, искали то, чего Спаситель никогда не оставлял.

Вечное о Нём воспоминание сохранялось и будет сохраняться «даже до скончания века» только там, где верующие в очистительную жертву Его, во имя Крови и Тела, отданных за нас на поругание и смерть, будут соединять не только свои руки, но и души и сердца над чашей и хлебом преломления.

Как высочайшая драгоценность, это воспоминание соблюдалось верующими во все времена и передавалось из поколения в поколение, пока не достигло и нас.

Оно поддерживало и укрепляло первых христиан в катакомбах, павликан в пустынях, кафаров в лесах, альбигойцев в надморских скалах, таборитов в горах, гугенотов в страшную ночь св. Варфоломея; оно утешает и ободряет и сейчас тысячи верующих в страдающей России.

«Небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут» ... Живое воспоминание о Спасителе пережило и Неронов, и Торквемаду, оно переживёт и теперешнюю всякую инквизицию.

Мучители могут отнять у верующих храмы, дома молитвы, имущество, книги, Библию, жён и детей, могут забрать для мощения улиц кресты и плиты с кладбищ, могут вырвать самую жизнь, но только одно им не под силу — уничтожить в душах возрождённых вечное воспоминание об их пресветлом Искупителе, — ибо написано:

«...сие творите в Моё воспоминание ... ибо всякий раз, когда вы едите хлеб сей и пьёте чашу сию, смерть Господню возвещаете...»

...доколе Он придёт». 1 Кор. 11:25-26.

Комментарии
